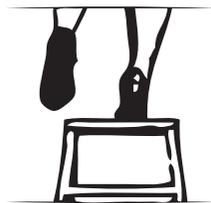

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

3 июля 2014

Эрих Мюзам

Вся власть Советам

Эрих Мюзам

Вся власть Советам

1930

Alle Macht den Raeten!, Из: Fanal, Nr.3, 1930

Сохранено 3 июля 2014 года из <http://piter.anarhist.org/muehsam06.htm>

1930

Ослабление всех общественных связей в это переходное время, в которое не ясно ничего, кроме того, что ничего не ясно, делает обязанностью анархистов серьёзные размышления на тему, какие политические и экономические отношения они хотят установить в виде содержания ставшего возможным благодаря социальной революции порядка общественной жизни. Такие размышления куда важнее, чем бесплодное гадание о точке времени, когда это созидательное вмешательство было бы необходимым. Само собой, следует считаться с тем, что могут получить развитие и совсем другие силы, а не те, которые стремятся к свободному формированию жизни. Мы будем должны применить против них, как и против всех антиобщественных и контрреволюционных сил, средства непосредственной революционной борьбы. Но мы должны так же, считаем ли мы это вероятным или нет, рассматривать и самый благоприятный случай, что уже видимое всем банкротство демократии в Германии не сменится на полуконституционную диктатуру фабрикантов и военных, как это пытаются сделать Пилсудский в Польше и Штархемберг в Австрии, и как этого хотелось бы Гугенбергу и Штальхельму, и не сменится на чисто фашистскую тиранию по примеру Муссолини, или на партийную деспотию сталинских коммунистов, а что революционный пролетариат осознает в расцвете своих сил свою самостоятельность и ответственность и посему поведёт войну против всякого вида государства. Тогда нам не помогут никакие лозунги, никакие красные и чёрные флаги, тогда мы будем должны практически, советом и действием, доказать, что анархия является способным к воплощению понятием бытия, и что можно построить социальное общество, которое выглядит и действует иначе, чем государство.

После некоторых сомневающихся колебаний, более-ме-

нее повсеместно в движениях коммунистического анархизма и анархо-синдикализма утвердилась идея республики советов как свободной формы общества социализма. Лозунг «Вся власть советам!», под которым русская революция в 1917 году одержала октябрьскую победу, проявил себя как наиболее полное выражение истинной воли всего революционного рабочего движения во всех странах, так что и самые решительные авторитаристы, большевики, его приняли, так как иначе они бы просто не нашли бы подхода к массам и упустили бы возможность, снять маски после победы революции, они были бы, как уже ранее случилось с меньшевиками, заранее распознаны как государственные социалисты и не допущены к участию в построении новых условий. После того как события в России, к сожалению, приняли оборот, который должна принимать любая якобинская фальшивая революция: от массового восстания до свояческой диктатуры и директории до бонапартизма – современное состояние отвечает той промежуточной станции между Робеспьером и Баррасом, но контуры консулата уже заслоняют задний фон, – шумное расхваливание «советской Германии», которая должна в точности повторять пример современной России, вынуждает к самому ясному определению различий между Советским государством и Советской республикой.

Представление того, что выдаёт себя в России за «диктатуру пролетариата», в этом случае отпадает. Достаточно напомнить, что преследования и жестокости против всех пролетариев, которые ещё и сегодня стоят под общими лозунгами 1917-ого, постоянно увеличиваются, и что московские власть имущие ещё ни разу не почувствовали себя должными уделить протестам пролетарских революционеров всех стран, которые не являются их преданными партийными товарищами, хотя бы часть то-

но должна ставить требования!

Перевод с немецкого: Ndejra

го внимания, которое они уделяют протестам чувствительных интеллектуалов, когда они обращают свой революционный пыл действительно вместо анархистов и левых коммунистов – против саботажников, белогвардейцев и попов. То, что западноевропейские капиталисты ради внешнеторговых монополий финансируют экономический саботаж, и что всё набожное возмущение по поводу подавления клерикальных воздействий на политику и экономику является ни чем иным, как подбадривающей сопроводительной музыкой к этому саботажу, стоит вне всяких сомнений. Расстрел 48 человек, обвинявшихся ГПУ в том, что они под маской верного соучастия в строительстве социалистического российского государства годами занимались организованной разрушительной деятельностью, занимались фальсификацией продуктов питания, порчей товаров и саботажем производства в широчайших масштабах, может вызвать у нас мысли, действительно ли застучали среди этих личностей тех, кого надо, т.к. в отличие от Шахтинского процесса суд не был открытым, а особенно настойчиво требовалось, чтоб мы поверили признаниям всех 48-и тайно приговорённых, но радикальная мера сама по себе, если речь действительно идёт о столь действенном и злостном нанесении ущерба рабочим массам, не должно бы служить поводом для вырывания волос на голове. Из 42 немецких интеллектуалов, которые выразили своё порицание по поводу казни, ни один не поставил тогда своей подписи под призывом против репрессий октябрьских активистов в России, когда мы, левые революционеры, три года назад разослали по всему миру. Они и при самых насущных поводах в Германии, как майские убийства в Берлине, дистанцировались как могли, должны смириться с обвинением, что судьба страдающий от несправедливости пролетариев никогда не является столь важной как судьба врагов пролетариата,

доказывать чью невинность они казались всегда слишком готовыми.

Дело расстрелянных профессоров и специалистов, затем раскрытие тайной организации «Индустриальной партии» в Германии, которая, якобы, намеревалась поставить крест на русских экспериментах государственно-социалистического толка, переводят внимание на события, которые должны заботить нас как советских революционеров чрезвычайным образом. Мы должны одинаково задать правителям российских судов и провозгласителям Советской Германии вопрос: А есть ли, собственно, ещё советы в Советской России? Какую роль они играют в общественной жизни? В чём заключаются их функции на экономическом предприятии? Есть ли у них еще права контроля на фабриках и предприятиях распределения? Как там вышло, что чуждые классу контрреволюционеры могли годами загрязнять консервы, а рабочие ничего не заметили? Как могло всё то свинство, о котором российская и партийно-коммунистическая пресса подробно писала со всеми излишествами, вообще стать возможным, если в то же время должно быть правдой, что Россия является страной советов и рабочие сами являются хозяевами? Это, и ничего кроме, должно быть разъяснено теми, кто обвинял саботажников и чьи доказательства виновности после приведённого в исполнение приговора опираются на признания обвиняемых, а не на установление фактов посредством контролирующих производственных советов. Возможно, тайный суд вызван опасениями, что при открытом суде вышла бы на свет вся бездейственность советов на предприятиях, которые при малейшей самостоятельности и власти уже при малейшей попытке саботажа должны бы были насторожиться, наблюдать и принять меры?

О России пойдёт речь в другом месте этой брошюры, после

вседневных препятствий, которые будут противопоставлены рассудку, справедливости и свободе, так что мы никогда не доберемся до цели. Они совершенно правы: это не будет лёгким. Тут требуется воля, способная свернуть горы. Воли педанта сомнений и озабоченностей обычно не хватает и на то, чтобы ради идеала потянуть за цепь часов с кукушкой. Марксисты докажут нам диалектически, что власть советов совершенно не может быть властью советов, а только сталинской диктатурой или диктатурой Хайнца-Неймана, а социал-демократы спросят нас, почему же мы недовольны даже свободным народным государством Веймара и всё настаиваем на безгосударственном советском обществе. Это правда, формула «Вся власть советам!» означает приверженность к полному перевороту основ общественного бытия. Против революции противится до кончиков волос тот, кто ещё надеется сосать силу из корней настоящего. Только те, кому настоящее не предлагает ничего, кроме отвращения перед его малодушием и злобой, захочет проложить путь будущему, куда нельзя будет взять наследия прошлого. Русские коммунисты потерпели поражение, т.к. у них не было мужества порвать с прошлым. Они хотели скрестить государство с советами. Государство осталось, сильнее, чем прежде, советы стали инструментами государства, т.е. перестали быть советами. Тем, кто спрашивает: «Не случится ли так снова? Не люди ли это, с которыми вы выходите, чтобы провозгласить свободу, слабые, авторитарные, поработанные, поработающие, послушные и упрямые люди? Как вы хотите разобраться с сопротивлением умственной отсталости и привитого почтения перед церковью, школой, семьёй и государством?», кто так спрашивает, тем мы хотим противопоставить нашу волю, наше мужество и наши убеждения. Ибо современность не должна задавать будущему вопросов –

ной деятельности на пользу общины и заменяют их по суверенным решениям на других.

5. Для решения общественных проблем между общинами общины собираются в окружных союзах, провинциальных и земельных собраниях.

6. Делегаты на этих собраниях должны исключительно выражать волю общины. Они обладают императивным мандатом, находятся под постоянным контролем общины и могут всегда быть отозваны и замещены другими.

7. Для исполнения постановлений, принимаемых этими объединениями в интересах узких и более широких сообществ, назначаются управляющие, которые ответственны перед народом, давшим им поручение.

8. Общины и узкие и более широкие сообщества устанавливают способ, которым их решения должны быть претворены в жизнь.

9. За общинами остаётся право решать, принимают ли они участие в решениях и действиях узких и более широких сообществ.

10. Нет общественной власти, кроме той, которая назначена и признаётся общиной.

Из всего, что было здесь и ранее сказано, всё равно нельзя создать охватывающей картины общества. Но кто не исполняет смысла требования «Вся власть советам!», потому что в нём слишком глубоко сидит государство, с тем мы всё равно не сможем считаться при строительстве анархистского социализма. Многие скажут (мы ведь все знаем возражения верных государству и партийцев): начинайте как хотите, всё равно из этого получится государство. Мы знаем, что это они будут пытаться сделать всё, чтобы из этого получилось государство. Но кто является настоящим мещанином, тот знает сотни и тысячи по-

некоторых литературных произведений. О России, поскольку это бесспорно самая важная проблема современности – ведь встаёт вопрос: должна ли она быть нам примером или предупреждением, должно ещё много и подробно говорить. В данный момент следует решить только такую проблему: как выглядят общественные условия, в которых исполняется требование «вся власть советам»? Указания на возможность успешного многолетнего экономического контрреволюционного саботажа, 13 лет спустя после успешной революции, должно хватить для доказательства, что поставленные целью условия не будут иметь ничего общего с образом общества сегодняшней России.

Идея советов стара как мир. Советы в собственном смысле есть ни что иное как объединение равноправных для разъяснения своих собственных общих условий. Такое значение имели собрания общин в старину, гильдии Средневековья, секции французской Революции и Коммуны. Организация советов как совместной работы дающих советы и получающих советы на равноправной основе, помимо представительства по интересам замкнутых групп людей, является естественной формой организации всякого общества вообще, которое хочет заместить управление общественными делами с верхушки государства порядком снизу, на федерацию, союз и непосредственное собрание трудящихся для регулирования работы, распределения и потребления. Анархизм издавна противопоставляет это федеративное устройство общественных необходимостей централистскому принципу. Организация от рабочих мест и рабочих отношений – это политическая и экономическая форма общества анархистов, это безгосударственная, противоположная государству форма общества анархии. Обозначение органов этого непосредственно действенного вмешательства работы в жизнь как «советы» было озвучено в первый раз на Базель-

ском конгрессе Первого Интернационала (5-12 сентября 1869 года), и в частности бельгийский анархист Хинс в своём докладе комиссии развил мысль о будущем значении профсоюзов, что в социалистическом обществе объединение профсоюзов одной местности будет образовывать коммуну, в то время как национальные (региональные) объединения профсоюзов будут являться представительством трудящихся. Государственное правительство будет заменено советами из федерации профессий и комитетом их делегаций. Так рабочие отношения заключат в себе политические отношения. Всякая промышленность будет являться общественным образованием в себе и таким образом возвращение к старому централистскому государству будет сделано навсегда невозможным. Старые политические системы будут, таким образом, замещены представительством труда.

Эти размышления, с которыми 61 лет назад Хинс поднял современное синдикалистское движение из купели, имеют историческую значимость, чьи охват и глубина становятся ясны только в наши дни, ибо идея советов стала плодотворной идеей революционных рабочих всех стран и уже сегодня, возможно, дискредитируется искажениями на практике. При этом совсем не важно, что разрастание капиталистической индустриализации заставляет ожидать революционного формирования советов не от профессиональных и промышленных союзов, но непосредственно от рабочих отдельных предприятий и их местных и региональных объединений. Важно то, что уже на Базельском конгрессе был с недвусмысленной ясностью смысл требования «Вся власть советам!», на том, с любой точки зрения, достойным упоминания конгрессе, о котором Макс Неттлау говорит, что это «до сегодняшнего дня единственное большое собрание, на котором социалисты и анархисты всех

мого первого дня революции радикально расформировывать капиталистическую организацию экономики и сразу же перестроить работу, оборот и потребление на потребности трудящихся в городах и сёлах в пище, одежде, жилье и отдыхе. Тут уже вырастают перед стремящимися к настоящей советской республике задачи статистического рода, и было бы хорошо, если бы революционеры собрались, чтобы высчитать потребности безгосударственного общества при имеющихся и ещё создающихся возможностях переоборудования фабрик, заготовке сырья, взаимобеспечения и всего, что ещё требуется.

Наконец, это не должно ускользать от взгляда, что только тогда государства нет, только тогда советы могут действительно неограниченно действовать, когда вся общественная жизнь исходит от общины; что всё, что можно решить в общине, должно оставаться в общине, и что расширяющиеся требования экономики должны центрифугально исходить из общин. Густав Ландауэр опубликовал в феврале 1910 года в «Социалисте» десять пунктов «Тезисов о политике», которые не вошли ни в одну из его книг, и должны здесь снова быть опубликованными. Взгляд на эти тезисы достаточен, чтобы и здесь, хотя слово «совет» и не упоминается, распознать сходство с требованиями анархистской республики советов:

1. Каждый взрослый мужчина и каждая взрослая женщина самостоятельны в собственных делах.
2. Община признаёт, какие дела являются собственными, неприкосновенными отдельных личностей в этом обществе.
3. Каждая община регулирует свои проблемы сама.
4. Носителями политики общины являются постоянно присутствующие профессиональные союзы, которые иногда сходятся во всеобщих народных собраниях. Эти представительства общины напоминают уполномоченным о самостоятель-

находятся свобода и социализм. Найти их придется творческому человечеству самому. Это ведь совершенно безразлично, создадут ли советы центральный исполнительный комитет и совет народных комиссаров или нет. Если они это сделают, то они должны блюсти, чтоб это действительно оставались исполнительными органами и не создавали окольными путями законотворчества из своих функций; если не станут – то должны будут найти другое средство, чтобы регулировать общественные задачи как освещение деревень и городов, пути сообщения, строительство мостов, медицинские и школьные учреждения, короче, все те дела, которые не могут решаться только из одного предприятия или квартала. Тысячи вопросов встанут, когда дойдёт до дела. С самым большим доверием в силу общей воли и самым минимальным доверием ко всякому спускаемому сверху приказанию может быть решён всякий вопрос в свободном духе. Только не стоит верить, что рабочие могут просто перенять производство тем, что они станут производить на машинах, которые найдут, в тех же фабриках, что и сейчас, тот же товар в тех же количествах. «Обобществлением» фабрик ещё ничего не сделано, если не обобществлён и рынок, для которого поставляются продукты. Всё, что находит революция, устроено для капиталистической экономики, т.е.: работа служит не потребности, а прибыли; производится переизбыток, срочно востребованное рабочими массами игнорируется. Так же и распределение не организовано с такой точки зрения, что всякий товар попадает наискорейшим путём от производителя к потребителю, а соответственно расчётам на прибыль промежуточной торговли, и, наконец, потребление не организовано по потребности потребителей, а по покупательской способности. Это задача советов – и только, если действительно вся власть находится в их руках, с са-

направлений, представленные в естественных пропорциях, спокойно дискутировали, о чём-то соглашались, о чём-то спорили и мирно расходились». Мы знаем, что сделало невозможным дальнейшую совместную работу различно направленных революционных рабочих организаций: вера в благословение центральной власти, которая необходимым образом ведёт своих последователей к мысли, что только им можно ею пользоваться; соответственно и сопротивление всех гордых и свободных в рабочем движении против этой наглости – терпеть вместо государственного авторитета авторитет самозванных командующих пролетариата; затем внутренняя борьба между предводителями, которые как командиры и «нагревшиеся» на пролетарском классовом движении уже чувствовали себя чиновниками будущего времени и упражнялись в современном государстве, и, наконец, передел всех революционных понятий в инструменты власти немногих над обществом. Россия стала этому самым наихудшим примером, где революция под общим требованием «Вся власть советам!» одержала замечательнейшую победу, и где авторитетам удалось прибрать всю власть к рукам, сделать советы верными органами государства, сделать их выборы зависимыми от принадлежности или, как минимум, одобрения пресекающей всякую критику, угнетающей свободу пролетариата хуже капиталистов партии и распространить по миру мнение, мол, Россия – советская республика, на её почве растёт «советское зерно», из её нефтяных скважин течёт «советская нефть», а в заключениях, изгнаниях, преследованиях, ругательствах и клевете на всех, кто оставался верным лозунгам 1917 года – настоящее исполнение системы советов: Вся власть советам!

Как мы представляем себе «представительство труда», которую Хинс объявил носителем будущего, вместо предпочита-

емого в России системы государственного капитализма? Мы рассматриваем призыв «Вся власть советам!» дословно. Мы не терпим власти, желающей утвердиться над советами. Мы вместе с Бакуниным понимаем под провозглашением республики советов «полнейшую ликвидацию политического, юридического, финансового и управляющего государства, общественное и частное банкротство, упразднение власти, услуг, функций и насилия государства, сожжение всех документов, общественных и частных дел». В нашей революции пролетариат поторопится «насколько это возможно, революционно организовать, после того ассоциации объединённых рабочих взяли в свои руки орудия труда, капитал всякого рода и здания, вооружились и организовались по улицам или кварталам». Коммуны различных областей тогда объединятся «в общую организацию необходимых действий и отношений производства и обмена, для создания конституционной грамоты равенства, основы всякой свободы, абсолютно негативно определённой хартии, которая более устанавливает, что должно быть навсегда отменено, чем позитивные формы местной жизни, которые могут быть созданы только живой практикой каждой местности; далее – организацию общей защиты от врагов революции и для пропаганды, вооружения революции кроме практической солидарности с друзьями во всех странах и против врагов во всех странах» (письмо Бакунина Альберу Ришару от 1 апреля 1870 г. о задачах парижской Коммуны).

Чтобы, наконец, показать живую сущность советов, формы делегирования, которая исключает опасность, что представители пролетариата станут начальниками своих «заказчиков», как это происходит в государстве и всех централистских организациях, будут повторены некоторые предложения, которые должны были разъяснить позицию FANAL'a (журнал, издавав-

шийся Мюзамом – прим. перев.) в самом первом номере за октябрь 1926 года. В статье «Отрицание государства» говорилось: «Управление общественными заданиями действующим снизу вверх, от рабочих мест, федеративной организацией советов, советская республика, к которой стремятся революционные коммунисты всех мастей, не может быть государственным образованием. Государство предполагает правительство, а это начальственное приказание и ранговый порядок. Республика советов характерна требованием . . . : Вся власть советам! Советы образуются непосредственно на предприятиях производства, из выбранных специально для каждого отдельного вопроса, постоянно отзываемых и заменяемых, действующих в соответствии с их собственными обязательными для исполнения под постоянным контролем, делегаций рабочих промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В советах, таким образом, объединяется всё городское и сельское трудящееся население для прямого исполнения всех управленческих функций в обществе. Управление в общих делах всё более и более многих коммун происходит через под-делегации оных в конгрессы округов, провинций, земель по тому же принципу ответственности вниз, отзываемости, связывающего мандата, вплоть до самых высших исполнительных органов, до центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров, у которых нет права законотворчества, но только исполнение воли непосредственно задействованных в производственном процессе, и которые постоянно начеку – должны будут уступить место призванным товарищам вообще или только для решения отдельных вопросов, являющиеся всегда только уполномоченными и никогда уполномочивающими».

Все подобные попытки описать будущие учреждения в словах могут лишь указывать реальности направление, в котором